

НА ОДНОЙ УЛИЦЕ СЕВИЛЬИ

Франсиско Родригес Консуэгра

T Tau
Editores

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня в руках книга. Так начиналась старая телевизионная программа начала шестидесятых, в которой представлялась какая-то книга, в основном литературная, с последующей постановкой с участием актёров. Это краткое предисловие стоит того, чтобы представить эту книгу, а следующие главы стоит рассматривать как постановку, и я боюсь, что только воображаемую. Хотя она не такая уж и воображаемая, поскольку я включаю множество старых фотографий, на которых изображены большинство описанных персонажей.

Коротко говоря, это воспоминания о моём севильском детстве, от моего рождения в 1951 году и до того момента, когда моя семья уехала из Севильи в 1963 году. Жизни моих родителей включены, как контекст, из уважения к их памяти, и для того, чтобы оставить записи их жизненных траекторий, и нечто подобное в отношении к моим бабушке и дедушке и некоторым другим близким родственникам. Я полностью выжал свою память, в чём мне помогли документы того времени и несколько старых фотографий. За исключением 12-й главы, написанной много лет назад, я написал эту книгу весной 2020 года, воспользовавшись карантином и ограничениями из-за проклятой пандемии коронавируса.

Хотя я, прежде всего, автор академических работ, опубликовавший множество специализированных книг, здесь, я попробовал более интимный и несколько

литературный подход к своему детству, о котором у меня остались прекрасные воспоминания. Персонажи и ситуации описаны и развиты с большой нежностью и близостью, что хорошо дополняют старые фотографии, многие из которых мне очень дороги. Я решил сохранить настоящие имена упомянутых персонажей, за исключением нескольких единичных случаев. Я не причиню этим никакого вреда. Всё, что рассказывается, делается осторожно, никого не обижая, с уважением; да, в рамках «шутки», которую все севилянцы хорошо поймут, и я надеюсь, что и другие читатели тоже. В любом случае, простите меня те, кого может здесь что-то смутить. Примите во внимание, что я попытался реконструировать место и время реалистично, но в то же время несколько мечтательно и захватывающе, и что всё упомянутое произошло не менее шестидесяти или семидесяти лет назад.

Восстановив ту среду, людей и места, я также в некотором роде увековечил их. Это выражение моей любви и благодарности к ним, которую я чувствую за их роль в моём эмоциональном и интеллектуальном развитии. Таким образом, радость моего детства, распространяется на всех и каждого, кто был его частью.

Я также должен извиниться, если в повествовании ошибаюсь в датах, местах или именах. На мой взгляд, в такой автобиографии должен преобладать эмоциональный, сентиментальный аспект, а не быть просто историческим документом.

В конце концов, я чувствую огромное облегчение; как огромное опустошение моей памяти, почти катарсис. Теперь я могу отдохнуть и даже забыть о том, о чём здесь говорится. Надеюсь, чтение этой книги доставит вам хотя бы небольшую часть тех сильных эмоций, всегда положительных, которые вызывали у меня, при её написании.

Ещё один момент. Можно добавить, что эта первая книга, посвящённая восстановлению довольно счастливого детства, также является исследованием силы и способов, которыми ностальгия настигает и окружает нас. Как увидите далее, я называю ностальгию «обманщицей». Но не потому, что она нас обманывает, уловки памяти неизбежны, а потому, что она заставляет нас поверить в то, что даже небольшую часть прошлого, можно ещё раз прожить, вернувшись к тем местам и людям, которые были частью наших воспоминаний. Однако глубокие разочарования, к которым приводит нас любая такая попытка, могут помочь частично раскрыть некоторые секреты структуры нашей личности.

Говорят, что всё местное - самое универсальное, поэтому я верю, что эти повествования скромной жизни ребёнка на улицах Севильи конца пятидесятих - начала шестидесятих годов, могут претендовать на достижение чего-то подобного. Для этого нужно сделать так, чтобы читатели узнали свою ностальгию в моей; другими словами, чтобы они смогли идентифицировать себя с тем севильским ребёнком, до возможности почувствовать «удалённую ностальгию».

Я не могу закончить, и без того уже длинное предисловие, не поблагодарив мою сестру Гийермину и моих двоюродных сестру и брата Лули и Маноло за то, что они поделились со мной своими воспоминаниями и предоставили мне некоторые фотографии, которые здесь появляются. Особого упоминания заслуживает моя сестра Вирджиния, которой удалось найти полдюжины очень интересных старых фотографий из своей коллекции. Не забывая о моих тётях Эстрелле и Трини, которые рассказали мне о большинстве тех событий, которые я смог собрать, о молодости моей

мамы, ухаживаниях и первых годах семейной жизни моих родителей.

(ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРЕВОДУ. Аннотации в скобках сделаны автором, как и в оригинале на испанском языке, но аннотации в квадратных скобках – переводчиком, и они предназначены для обоснования и уточнения нюансов, которые необходимо было внести для понимания некоторых сложных андалузских и испанских оборотов при переводе на русский язык.)

Ла-Пенья, Астурия, апрель 2020

ХУАНИ, МОЯ МАМА

Моя мама, Хуана Консуэгра Салидо (Убеда 1921г. - Таррагона 1997г.), дочь Хуана Хосе Консуэгра Мартос (сын Франциско Консуэгра и Хуаны Мартос) и Тринидад Салидо Мора (дочь Бартоломе Салидо и Марии Мора), оба из Убеды (провинция Хаэн). У моих бабушки и дедушки по материнской линии было ещё четверо детей (Мария, Франциско, Эстрелла и Тринидад).

Мои дедушка Хуан Хосе и бабушка Тринидад создавали свою семью в доме на улице Комендадор Месиас, который, скорее всего, они арендовали (выше, актуальное фото этого дома). Я нашёл тот дом,

---

благодаря точной информации, которую мне дала моя тётя Эстрелла пару лет назад, тётя, которая умерла недавно.

Моя мама рассказывала мне, что иногда ночами с чердака этого дома раздавались странные звуки, и тогда мой дедушка Хуан Хосе, обладая ангельским терпением, поднимался наверх, и стуча ногой по подлоге чердака демонстрировал, что им нечего было бояться. Очевидно, что он был очень нежным и добрым по отношению к своим дочкам. Иногда в зимние холода он накрывал их своим большим испанским плащом, защищая от холода. Но он не был так же добр и нежен по отношению к своему сыну, моему дяде Пако, которого дедушка иногда бил из-за его многочисленных проделок и шалостей. Обычно он звал дядю Пако выйти на улицу и уже оказавшись там, снимал ремень и хлестал его, иногда даже пряжкой.

Мой дедушка работал на фабрике по производству «капачо», это такие круглые циновки из растения эспарто, которые использовались и используются для прессования оливок. В то время это была неплохая работа, так как Убеда окружена океаном оливковых рощ. Фабрика находилась через дорогу, прямо перед домом, где в настоящее время находится аграрный кооператив. Поэтому дедушке Хуану Хосе нужно было всего-навсего перейти улицу, чтобы добраться до места работы.

Также в Убеде в то время была фабрика по производству мыла, и моя мама однажды рассказала мне одну невероятную историю. Тогда мыло производили в больших резервуарах, где плавил жиры вместе с остальными ингредиентами. Операторы должны были наблюдать за процессом, при этом хорошо перемешивая бурлящую смесь. Однажды один из них по неосторожности упал в один из резервуаров и его тело быстро

исчезло в той массе чрезвычайно высокой температуры, и поэтому пришлось хоронить весь резервуар со всем его содержимым.

Мама рассказывала мне ещё один случай, скорей всего выдуманный, но он настолько мне запомнился, что я никогда его не забуду. Однажды несколько друзей, поспорили о том, кто из них самый смелый, и чтобы разрешить эту задачу, решили пойти в полночь на кладбище. Самый смелый должен был забить большой гвоздь в ворота при входе. Один из парней решил показать всем, что он самый смелый и пошёл к входу на кладбище один. Удары молотка были отчетливо слышны издалека, и его друзья тут же согласились друг с другом, что он и есть самый отважный. Однако долгое время их товарищ не возвращался в то место, где его ожидали друзья, поэтому ребята направились к кладбищу, где у входа и нашли своего мёртвого друга. Осмотрев все детали и что к чему, они пришли к выводу, что по случайности, при таком плохом освещении, их храбрый товарищ вместе с гвоздём прибил конец плаща к воротам и когда он попытался уйти, ему, должно быть, показалось, что кто-то удерживает его, и поэтому скорее всего, он запаниковал и его сердце не выдержало сильнейшего испуга.

Но вернёмся к более серьезным вещам. Моя мама почти не посещала школу в Убеде, во всяком случае, начальную. Она достаточно хорошо читала, но почти не умела писать, только немного, например ответить на письмо, но и то с орфографическими ошибками. Это были плохие времена.

Ей было пятнадцать лет, когда Франко организовал военный переворот против Республики в середине июля 1936 года. Несколько дней спустя произошло знаменитое нападение на тюрьму в Убеде. Группе республиканских активистов удалось проникнуть в тюрьму, с

намерением убить там задержанных заключенных правых взглядов, под видом, что они хотят их перевести в другую тюрьму. Правда состоит в том, что они хотели отомстить им за франкистское восстание против законно-выбранного правительства, а также, чтобы заключенные не смогли присоединиться к заговорщикам переворота, в случае их освобождения.

По рассказу мамы, у двери стояли два республиканца, один с молотком, а другой с топором. Когда заключённые проходили через дверной проём, первый наносил удар молотком, а второй топором, добивая. Как я читал позже, их также расстреляли из винтовок или, возможно, из пулеметов. Но тогда мне запомнились именно молоток и топор, что поразило меня.

Любопытно, что во время «восстания», моя мама жила не в Убеде, а в Гранаде. Её старшая сестра Мария, в то время уже была замужем за моим дядей Антонио Замора, проповедником баптистской церкви, и у них к тому времени уже была дочь (моя двоюродная сестра Лули [Лукреция]). Тётя Мария пригласила мою маму жить с ними, чтобы помочь ей, так как у них был большой дом на окраине Гранады, предоставленный баптистской церковью. Я думаю, что дом назывался «Ла Террона» или что-то подобное. Там война и застала их врасплох.

Тем временем мои бабушка Тринидад и дедушка Хуан Хосе оставались в Убеде, вместе со своими другими детьми: Эстреллой, Пако и Трини. К сожалению, дедушка страдал от мочекаменной болезни, которую унаследовали впоследствии несколько его детей. К 1938 году у него уже наблюдались очень сильные приступы, нефритические колики с последующей полной обструкцией и неспособностью помочиться, что привело к смерти моего дедушки от сильной боли и, конечно, он не мог ничего сделать, чтобы сохранить

свою жизнь, учитывая сложную ситуацию, в полный разгар гражданской войны. Он умер за несколько месяцев до окончания войны, поэтому семья моей тёти осталась без основного кормильца.

И Убеда, и Гранада уже были «национальной зоной». Вся семья была против того, что происходило: установление авторитарного режима, если не фашистского. Дядя Пако, брат моей мамы, был коммунистом, но не низовым членом, а был частью местных «кадров» партии, как будет видно далее. Однако в тот момент необходимо было выжить, поэтому те, кто находился в Гранаде, думали, что было бы лучше уехать, насколько это возможно, в Севилью, столицу, где несомненно было больше возможностей для жизни и более безопасно для дяди Антонио и всей его семьи.

И действительно, евангельские пасторы уже разыскивались франкистами; многие из пасторов были учителями, как дядя Антонио, муж тёти Марии. Также некоторые были масонами, как епископ Сантос Молина, о котором мы поговорим позже. И, конечно же, евангельским пасторам было запрещено передвигаться по стране без специального разрешения, выданного военными властями, которое было невозможно получить. В конце концов они решили всей семьёй бежать ночью и с ними также группа их знакомых и друзей.

Рассказать эту историю, я оставляю Ракель, дочери племянницы моей первой кузины Розы, в свою очередь старшей дочери моей двоюродной сестры Лули. Вверху - публикация из студенческого журнала института «Хулио Верн» в Севилье, где Ракель (сегодня блестящий юрист) училась.

ESCUELA DE LA MEMORIA

LA MUERTE EN LAS CUNETAS

Para que sepamos valorar esta época de tolerancia religiosa y de pensamiento quisiera narraros una historia surgida en el año 1936. Mi abuela Lucrecia me cuenta que al comienzo de nuestra guerra civil ella vivía con sus padres en Granada, estaban bien acomodados, y mi bisabuelo era pastor evangélico, y por serlo lo buscaban para fusilarlo, (sólo por ser de otra creencia religiosa), entonces decidieron marcharse a Sevilla, donde poder pasar desapercibidos.

Para salir de Granada se pusieron de acuerdo un grupo de personas que también querían huir. Mientras esperaban en la carretera al camión que los llevaría hasta Sevilla, pasó un hombre en bicicleta, que se quedó mirándolos, y a los cinco minutos dio media vuelta y volvió a pasar.

Mi bisabuela llegó a pensar que ese hombre podría delatarlos. Entonces ella cruzó la carretera y dijo:

“Yo aquí no me quedo, quien quiera seguirme que me siga porque ese hombre nos va a delatar.”

Entonces cruzaron la carretera mis bisabuelos y mi abuela, la hermana de mi bisabuela y otra señora con sus dos hijas, y se fueron andando por el campo. Llevaban andando unos cincuenta metros cuando escucharon que venían unos camiones y se escuchó un troteo. Se escondieron entonces entre los arbustos para que no los vieran ya que estaban bastante cerca. Los que se quedaron allí, en la carretera, fueron fusilados, todo por aquel hombre en bicicleta que avisó a la policía.

Luego, al ver frustrada su huida en el camión, decidieron ir andando hasta la estación de trenes, pero debían ocultar el pasaporte de mi bisabuelo, ya que en el aparecía su condición de pastor evangélico, y mi bisabuela, ya en la cola del tren para subir al vagón, tenía mostrar los pasaportes de toda su familia.

Para que no descubriesen la profesión de mi bisabuelo ella cogió muchos papeles que tenía en el bolso y le dijo al revisor que no lo encontraba con tantos papeles. Al haber tanta gente esperando en la cola el hombre permitió su paso y el de los demás. Aquella ocurrencia improvisada de mi bisabuela logró salvar sus vidas, llegando sanos y salvos a la tan deseada Sevilla.

Esta casi trágica historia vivida por mi familia me hace valorar como algo maravilloso algo que casi siempre damos por supuesto, y que sin embargo tanta dolor y muerte se ha cobrado: la libertad para creer, la libertad para pensar, para poder andar sin miedo los caminos.

Raquel Ronco Montero de Espinosa 1º bachillerato sociales B

26

LA CAJA

Я пишу полный текст здесь, чтобы сделать его более читабельным. Там встречаются следующие персонажи: Лукреция - моя двоюродная сестра Лули, прабабушка - моя тётя Мария, прадедушка - мой дядя Антонио, сестра прабабушки - моя мама Хуана Консуэгра.

«Чтобы мы смогли оценить время свободного религиозного вероисповедания и мышления, в котором мы живём, я хотела бы рассказать вам историю, которая случилась в 1936 году. Моя бабушка Лукреция рассказывала мне, что в начале гражданской войны она жила со своими родителями в Гранаде. Они были хорошо обеспечены, мой прадедушка был евангельским

пастором, и только за это, его хотели расстрелять (просто потому, что он был другого религиозного убеждения). Поэтому они всей семьёй решили бежать в Севилью, где могли бы оставаться незамеченными.

Чтобы покинуть Гранаду, они собрали группу людей, которые тоже хотели бежать. В тот день, когда они уже ждали на дороге грузовую машину, которая бы их отвезла в Севилью, мимо них проехал на велосипеде мужчина, проезжая, он посмотрел на них и через пять минут развернулся и снова проехал мимо них. Моя прабабушка тут же подумала, что тот человек может донести на них. Она перешла дорогу и сказала: «Я не останусь здесь, кто хочет пойти со мной, следуйте, потому что тот человек собирается сдать нас». Потом мои прабабушка и бабушка, сестра моей прабабушки и ещё одна женщина с двумя дочками также перешли дорогу, и они все вместе пошли через поле. Они прошли около пятидесяти метров, когда услышали шум приближающихся грузовиков и стрельбу. Они спрятались в кустах, чтобы их не увидели, так как всё ещё они были достаточно близко к дороге. Тех, кто остался там на дороге, убил тот самый мужчина на велосипеде и который оповестил полицию.

Когда их побег на грузовой машине был сорван, они решили пробираться к железнодорожному вокзалу пешком. Им пришлось думать, как спрятать паспорт моего прадеда, так как в нём значилось что он евангельский пастор, а в очереди перед посадкой в поезд они должны были показать паспорта. Тогда моя прабабушка вытащила из сумки стопку разных документов и бумаг, в которых она спрятала паспорт, и выпалила проводнику, что не может найти его в таком количестве бумаг. В такой толпе людей, ожидавших своей очереди, мужчина позволил им всем пройти. Та быстрая реакция и импровизация моей прабабушки

спасла жизни членам её семьи, и так они благополучно добрались до Севильи.

Эта почти трагическая история, которую пережила моя семья, заставляет меня ценить то прекрасное, что мы почти всегда считаем само собой разумеющимся (и тем не менее, оно доставило столько боли и забрало столько жизней): свободу верить, свободу мыслить и возможность ходить без страха, не оглядываясь.»

Ракель Ронко Монтеро де Эспиноса,
1-я степень бакалавра В”

В этой статье размещены две фотографии. На верхней фотографии мой дядя Антонио Замора, пастор баптистской церкви. На нижней фотографии вы можете увидеть мою маму, первая слева. На фото ей 15 лет, и она была очень худенькой (долгое время у неё был комплекс по этому поводу); моя тётя Мария с моей двоюродной сестрой Лули на руках, вторая справа. Ниже оригинальное фото, намного разборчивое.

Ну и вот наконец, они добрались до Севильи в целости и сохранности, и где со временем собралась вся семья.

Я не знаю, было ли это в Гранаде или уже в Севилье, но мама всегда рассказывала, что она очень боялась прятаться в убежище, когда приближался грохот двигателей бомбардировщиков и тогда все бежали в сторону бомбоубежища. Родные с трудом уговаривали её спуститься туда. Она всегда останавливалась у входа и заявляла: «Я туда не зайду!» Тётя Мария тщетно пыталась затянуть её за руку в убежище, и так до окончания воздушной тревоги. Это был один из признаков сильного характера моей мамы, который обычно никто не замечал, но когда характер проявлялся, то это всех удивляло, потому что обычно мама была очень спокойной и мягкой в общении.

В Севилье семья поселились в районе Нервион, немного севернее, на другой стороне улицы Ориенте (Луис Монтото), в так называемой Уэрта-де-Санта-Тереза.

Дом, в котором они вначале поселились, находился на тогдашней улице Охеда, потом Хуан Бернал. Это был дом с несколькими квартирками на первом этаже и одной квартирой на втором этаже. С неё был выход на террасу крыши, которая была украшена различными глиняными изделиями и керамическими вазами, типичными для Андалусии. Посредине внутреннего дворика дома был колодец с хорошей водой, окруженный цветами, за которыми ухаживали жильцы дома. Тётя Мария арендовала одну из квартир на первом этаже, которая с одной стороны выходила на улицу, а с другой - во внутренний дворик. Квартира состояла из двух комнат, столовой, кухни и ванной, и все, кто приезжал из Убеды, временно останавливались

там, и тётя могла обеспечить им временное жильё и еду, пока те пытались найти работу и постоянное место жительства.

К тому же тётя Мария была очень смекалистой, и чтобы выжить, они начали варить мыло в ванной комнате, на крыше или во дворе и продавали его по соседским домам. Также они делали самодельные печки-конфорки, для чего использовали большие пустые глубокие консервные банки из-под тунца и также продавали их по соседству. Позже семья тёти Марии начала вести маленький бизнес, связанный с тканями. Кроме того, тётя одалживала деньги под проценты семьям по соседству; бизнес, в котором я участвовал, как «сборщик долгов», несколько лет спустя. Дядя Антонио не смог вернуться к своей работе пастора баптистской церкви, поэтому начал работать с Карлосом Шиффером, у которого был бизнес, связанный с пищевыми машинками. Со временем они также стали продавать украшения и часы, передвигаясь по городам и сёлам в округе Севильи. И таким образом семья держалась на плаву.

Сначала моя мама Хуани поселилась у них, но, через некоторое время бабушка Трини из Убеды забрала её, видимо она не была слишком довольная положением моей матери там, возможно полагая, что они слишком эксплуатировали её. На фото ниже, оригинал которой был очень маленьким, слева стоит моя мама с дядей, который был гражданским гвардейцем (который, судя по всему, пришел в гости к ним), и другие родственники, которых я не узнаю. Должно быть мой двоюродный брат Маноло и сделал это фото. Она сделана до октября 1938 года, летом того года (из-за легкой одежды, которая на них). Маме здесь около 17-ти лет. Улица Охеда (позже Хуан Бернал) ещё не заасфальтирована, и которую я помнил всегда такой, по

крайней мере до 1963 года. Если вы посетите эту улицу сейчас, сходства с тем, что на фото, уже практически не осталось.

Следующее студийное фото сделано в Севилье и датировано январем 1938 года, и подписано мамой для своих сестёр и братьев, и была наверняка отправлена родственникам, которые всё ещё жили в Убеде. Ей тогда было 16 лет, и она была уже не такой худенькой, как раньше. Нежность во взгляде и радость всегда были ей присущи.

В любом случае, уже позже бабушка и остальные её дочери в итоге оказались в Севилье. Они арендовали дом в Нервионе, на улице Клаудио Коэльо, с цокольным этажом и небольшим садом, где бабушка и поселилась с моими тётями Эстреллой и Трини. Судьба моего дяди Пако, единственного мужчины в семье, требует отдельного внимания.

Как я уже говорил, дядя Пако был коммунистом, членом партии, не просто рядовым активистом, и был мобилизован уже в Убеде. Но по окончании войны в 1939 году, его заключили в тюрьму на некоторое время; позже над ним провели один из тех быстрых судебных процессов, и в итоге он был приговорен к смертной казни. Благодаря усилиям мамы и тёти Марии, при содействии адвоката, (вероятно, связанного с евангельской церковью) смертная казнь была заменена на 20 лет и один день заключения. И вот этот самый «один день» представлял опасность, но им удалось устранить этот «один день» с помощью многочисленных встреч с военачальниками, которые видимо жалели моих маму и тётю, и в конце концов он был освобожден.

Семья была вынуждена выживать, но это были очень тяжёлые времена, разгар послевоенного периода, когда голод был повсюду. Мама и некоторые из её сестер нашли работу на маленькой ремесленной фабрике по производству прищепок, тех старых деревянных, с пружиной. Им платили в соответствии с количеством зажимов, которые они смогли сделать, с помощью единственного гвоздя, вбитого в деревянный стол. У моей мамы это получалось особенно ловко, поэтому она зарабатывала немного больше, чем другие. Мелочь в любом случае. Позже, поскольку мама очень хорошо умела шить, она нашла работу по пошиву одежды для военных, к которой ей пришлось вернуться позже, уже замужем.

Моя тётя Трини рассказывала мне в 2002 году, (моя мама умерла уже к тому моменту несколько лет назад) что Хуани (моя мама), несмотря на столько невзгод и страданий, была очень счастлива, что ей всегда нравилось петь, и что они всегда были очень близки. Мама была невероятно красивой, с очень белой кожей и голубыми глазами. Она была высокой и стройной и всегда привлекала внимание прохожих на улицах Севильи. Однажды один мужчина остановил её на улице и предложил сделать несколько проб, чтобы посвятить себя кино, чем она была шокирована и естественно отказалась от предложения. Примерно в это же время у моей мамы открылась возможность подтянуть базовое образование и иногда брать уроки у друга её брата Пако. Тот друг был учителем, и он иногда приходил и немного помогал маме.

На нижнем фото вы можете видеть, как моя бабушка со своими дочерьми прогуливались по улицам Севильи в то время. Все они в траурной одежде, по случаю недавней смерти моего дедушки. На фото нет моей тёти Эстреллы, так как в тот день она видимо

была чем-то занята. В те времена в моде были прогулочные фотографии. Я полагаю, что фотограф устанавливал штатив и затем давал им сигнал, чтобы те начали идти к нему навстречу.

На следующей фотографии ниже (во внутреннем дворике дома): четыре сестры, мои двоюродные сестра Лули и брат Маноло стоят в центре, между тётей Марией и мамой. Также соседка Эдуарда, с кем-то из её многочисленных детей (семеро). Кто тот солдат на фото, я не знаю.

Лули и Маноло очень любили мою маму. Однажды Лули сказала мне, что они любили её даже больше, чем их собственную. Я думаю потому, что моя мама была с ними более терпима и нежна, а также уделяла им много времени. Тётя Мария всегда была занята своими делами и т.д., в то время как моя мама, всё ещё незамужняя, ежедневно заботилась о доме и о своих двух маленьких сестре и брате, поэтому по её словам, «их воспитала она».